D'iâkonov, M. A.

Otzyv o sochinenii A. A. Kizevettera:...

352.047
qD5630

WILLIAM R. PERKINS
LIBRARY

DUKE UNIVERSITY

ОТЗЫВЪ

О

СОЧИНЕНІИ А. А. КИЗЕВЕТТЕРА:

„Посадская община въ Россіи въ XVIII ст. М. 1903",

составленный

М. А. Дьяконовымъ.

Dyakonov, M

Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета о сорокъ восьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1908.

Отзывъ о сочиненіи:

А. А. Кизиветтеръ. Посадская община въ Россіи въ XVIII ст. М. 1903.

Адъюнкта М. А. Дьяконова.

Задачей своего изслѣдованія авторъ поставилъ изученіе городской общины въ Россіи XVIII вѣка, въ періодъ времени отъ учрежденія магистратовъ до введенія Городового Положенія Екатерины II. Но изучаетъ онъ русскій городъ не съ точки зрѣнія законодательныхъ мѣропріятій XVIII вѣка. Этой сторонѣ вопроса посвящено уже нѣсколько трудовъ въ нашей исторической литературѣ,—въ томъ числѣ послѣдній по времени прекрасный трудъ И. И. Дитятина: «Устройство и управленіе городовъ Россіи», тт. I и II. Однако, самое подробное изученіе указнаго матеріала эпохи преобразованій не въ силахъ выяснить самой существенной стороны дѣла: раскрыть, на какую почву упали вновь вводимыя учрежденія и въ какой мѣрѣ на ней привились и укоренились. А. А. Кизеветтеръ взялся за трудъ «выяснить тѣ реальныя условія, въ которыхъ протекала фактически жизнь городской общины того времени», иначе говоря, изучить ту общественную обстановку, которою обусловливалась вся преобразовательная дѣятельность правительства.

Въ нашей исторической литературѣ еще очень мало сдѣлано для изученія общественнаго строя и быта, не исключая и XVIII вѣка. Причины этого заключаются въ томъ, что значительнѣйшая часть матеріала чрезвычайно мало доступна, такъ какъ хранится неизданной въ центральныхъ архивахъ, работы въ которыхъ возможны только для немногихъ изслѣдователей. А тѣмъ изъ нихъ, которые отважились бы на такой трудъ, грозитъ тяжелая перспектива блуждать среди необъятнаго матеріала безъ путеводной нити, за отсутствіемъ какихъ-либо научныхъ архивныхъ описей. Въ такомъ именно положеніи оказался и А. А. Кизеветтеръ. Въ основу своего изслѣдованія онъ положилъ почти исключительно архивный мате-

ріалъ, находящійся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи въ дѣлахъ Главнаго магистрата, городовыхъ магистратовъ, Камеръ-Коллегіи и Сената, пополненный сверхъ того дѣлами Коммиссіи о коммерціи, сохраняющимися въ архивѣ Департамента таможенныхъ сборовъ въ Петербургѣ. Авторъ совершенно правильно замѣчаетъ, что «исчерпывающее знакомство съ этимъ необозримо-громаднымъ матеріаломъ превышаетъ силы отдѣльнаго изслѣдователя». И онъ, проработавъ рядъ лѣтъ въ архивахъ, могъ изучить только нѣкоторую часть этого матеріала. При такихъ условіяхъ кто можетъ упрекнуть автора за неизбѣжные пробѣлы въ какихъ-либо частяхъ его труда? Начало должно быть кѣмъ-нибудь положено, и автора надо только благодарить за то, что онъ не побоялся взять на себя починъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ.

Свое изслѣдованіе о городскомъ устройствѣ за разсматриваемое время авторъ раздѣлилъ на четыре части. Первая часть посвящена разсмотрѣнію состава посадскаго населенія; вторая — обзору посадскихъ службъ и способовъ ихъ отбыванія; третья — характеристикѣ посадскихъ платежей и ихъ раскладкѣ, и четвертая — организаціи и дѣятельности посадскихъ сходовъ. Каждая изъ этихъ частей подраздѣляется на нѣсколько главъ, такъ что въ общемъ изслѣдованіе содержитъ семнадцать главъ разнаго объема.

Критическая оцѣнка изслѣдованія, построеннаго на архивномъ матеріалѣ, ставитъ рецензента въ довольно трудное положеніе, когда архивный матеріалъ не изданъ особо, хотя бы въ его важнѣйшей части, и лишь приводится въ изслѣдованіи въ краткихъ выдержкахъ для подтвержденія и выясненія выводовъ автора. Ставить это автору въ упрекъ, конечно, нельзя, такъ какъ подобныя изданія могутъ потребовать силъ и средствъ, не имѣющихся въ распоряженіи отдѣльнаго лица. Но положеніе читателя иногда можетъ оказаться весьма затруднительнымъ. Позволяю себѣ остановиться на одномъ примѣрѣ. Въ книгѣ А. А. Кизеветтера помѣщено большое число таблицъ цифрового матеріала для выясненія количества посадскаго населенія вообще, по отдѣльнымъ группамъ и мѣстностямъ, для характеристики тяглой организаціи по отдѣльнымъ службамъ, платежамъ и т. п. Когда этотъ цифровой матеріалъ почерпнутъ изъ критически-провѣренныхъ оффиціальныхъ данныхъ или иныхъ достовѣрныхъ современныхъ источниковъ, то онъ имѣетъ весьма важное значеніе при изученіи различныхъ сторонъ общественнаго строя. Но такихъ общихъ статистическихъ данныхъ очень мало. Въ обычномъ порядкѣ приходится самому изслѣдователю подбирать эти данныя изъ разбросанныхъ частичныхъ указаній по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Подобрать эти частичныя данныя въ надлежащей полнотѣ чрезвычайно трудно; а безъ этой полноты цифровыя данныя всегда могутъ оказаться въ большей или меньшей мѣрѣ далекими отъ истины

и могутъ имѣть значеніе лишь частныхъ иллюстрацій. Повидимому авторъ и не переоцѣниваетъ значенія своихъ статистическихъ таблицъ. Въ одномъ случаѣ, по поводу подсчета числа цеховыхъ въ разныхъ городахъ по 1-й и 2-й ревизіямъ, онъ говоритъ: «мы отнюдь не настаиваемъ на абсолютной точности тѣхъ цифръ, сопоставленіями которыхъ мы занимались въ настоящей главѣ. Мы имѣли въ виду не исчерпывающій количественный учетъ очерчиваемыхъ явленій, а лишь опредѣленіе господствующихъ тенденцій въ развитіи этихъ явленій, тенденцій, которыя не могли не отразиться на собранномъ выше цифровомъ матеріалѣ, какъ бы ни грѣшили противъ точности нѣкоторыя отдѣльныя цифры въ составѣ этого матеріала» (стр. 169). Думаю, однако, что погрѣшности отдѣльныхъ цифръ могутъ отразиться и на характеристикѣ господствующихъ тенденцій въ средѣ изучаемыхъ явленій. Къ сожалѣнію, я былъ совершенно лишенъ возможности провѣрять сообщаемый авторомъ цифровой матеріалъ.

Общіе выводы автора по вопросамъ о составѣ, группировкахъ, тяглой организаціи и жизни посадской общины прежде всего убѣждаютъ въ томъ, какъ медленно проникали въ практику всѣ правительственныя мѣропріятія по переустройству нашего стараго посада, какъ въ большинствѣ случаевъ они приспособлялись къ старымъ формамъ быта, такъ что, подъ вліяніемъ такого взаимодѣйствія, нерѣдко получались итоги, далеко отступающіе отъ предначертаній правительства. Созданные вѣками старые устои городской жизни не поддавались перестройкѣ и долго продолжали существовать лишь подъ новой оболочкой или съ новымъ названіемъ. Приводимыя въ подтвержденіе указанныхъ наблюденій автора данныя въ большинствѣ случаевъ совершенно безспорны и развѣ лишь въ нѣкоторыхъ подробностяхъ могутъ вызвать недоумѣнія читателя.

Остановимся на нѣкоторыхъ выводахъ автора. Первую часть своего изслѣдованія авторъ начинаетъ съ изученія вопроса о формальныхъ признакахъ принадлежности къ посадской общинѣ и главнѣйшимъ изъ таковыхъ считаетъ записку въ ревизской переписной книгѣ за даннымъ посадомъ. Ревизская книга теперь играетъ ту же роль, какую раньше играли писцовыя и переписныя книги. Начало, значитъ, старое. Но какъ въ XVII в., такъ и теперь, занесеніе въ перепись могло быть оспорено, и споры въ такихъ случаяхъ рѣшались по началу «старины» въ различныхъ ея проявленіяхъ, цѣликомъ унаслѣдованныхъ отъ стараго московскаго права. Собственно та же старина являлась и главнымъ основаніемъ записки лица въ ревизскую перепись «по долговременной ли бытности въ посадѣ», или по рожденію отъ посадскихъ людей. Авторъ хочетъ различать наслѣдственность посадскаго состоянія отъ посадской старины, такъ какъ «наслѣдственность закрывала выходъ изъ посадской общины даже и такимъ ея членамъ,

которые не были изстаринными посадскими людьми» (стр. 7). Но это не было твердо установившимся правиломъ, такъ какъ иначе не былъ бы возможенъ переходъ изъ одного состоянія въ другое по старинѣ или старинному жительству. Понятія «старинный жилецъ» и «природный жилецъ» очень близко соприкасались, а иногда и не могли быть различены (стр. 9). Природная принадлежность могла имѣть бо́льшее значеніе въ спорахъ о состояніи, чѣмъ ссылка на ревизскую перепись; но такъ же и долговременная бытность могла подорвать доказательную силу ревизской записи (стр. 10 и 4). Старина и природная принадлежность, въ свою очередь, могли столкнуться, какъ возможны были споры о томъ, къ какому состоянію принадлежалъ данный человѣкъ по своей природѣ (стр. 11). Всѣ эти споры живо напоминаютъ споры XVI в. изъ-за крестьянъ по старожильству, исконной вѣчности или записи въ писцовыхъ книгахъ. И едва ли въ XVIII в. они рѣшались болѣе принципіально и болѣе однообразно, чѣмъ въ XVI в. Указъ 1754 г., если только онъ точно исполнялся, долженъ былъ содѣйствовать упорядоченію споровъ о бѣглыхъ людяхъ, установивъ непререкаемую силу данныхъ ревизскихъ переписей по сравненію со ссылками на старину или прирожденность.

Но къ посадамъ не закрытъ былъ и притокъ новыхъ элементовъ въ силу профессіональнаго характера посадскаго тягла. Старое правило московскаго права запрещало заниматься торговлею и промыслами на посадахъ безъ записки въ посадское тягло. Это правило остается въ силѣ, а потому всѣ торгово-промышленные люди не изъ среды посадскаго населенія должны были приписаться къ посадамъ. Но на этой почвѣ, какъ и въ Москвѣ, ведется борьба съ разными элементами, добивающимися сохранить свою обособленность отъ посадовъ подъ тѣми или иными предлогами. Послѣ постановленій Уложенія такая борьба съ посадами сдѣлалась весьма затруднительной, и запоздалыя вспышки такой борьбы встрѣчали дѣятельный отпоръ со стороны главнаго магистрата.

Авторъ даже думаетъ, что съ начала XVIII в. возникло уже право причислиться къ какому-либо посадскому обществу въ силу того, что Петръ открылъ доступъ къ торговому промыслу для лицъ всякого званія при наличности опредѣленнаго торговаго капитала. Но это право не имѣло достаточно твердой опоры. Такъ, для владѣльческихъ крестьянъ требовались увольнительныя отъ владѣльцевъ письма, а съ 40-хъ годовъ свобода крестьянскаго торга была и совершенно прекращена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приписка къ посадскому тяглу торговопромышленныхъ элементовъ уѣзднаго населенія получила по прежнему (такъ говоритъ авторъ) принудительный характеръ. По указу же 1745 г. и торговому уставу 1755 г. запрещена торговля во всѣхъ слободахъ и селахъ «въ ближнемъ отъ городовъ разстояніи», т. е. не ближе 5 верстъ, при чемъ для всѣхъ торгующихъ, хотя бы внѣ предѣловъ

посадской осѣдлости, объявлена обязательной записка въ посадское тягло (стр. 15—17). Самъ авторъ отмѣчаетъ, что жизненная практика упорно не укладывалась въ рамки указныхъ правилъ, и въ теченіе всего вѣка идетъ борьба посада съ селомъ изъ-за торговопромышленной конкуренціи. Изъ дѣлъ Коммиссіи о коммерціи авторъ приводитъ любопытныя противоположныя воззрѣнія ея членовъ по вопросу о свободѣ крестьянскаго торга, а также и различныя мнѣнія депутатскихъ наказовъ 1767 г. (стр. 19—24).

Въ дѣйствительности причисленіе новыхъ жильцовъ къ посадамъ происходило двоякимъ путемъ: или въ силу правительственныхъ распоряженій, или по пріемамъ самихъ обществъ на основаніи поручныхъ записей. Распоряженія о приписке исходили отъ ревизскихъ канцелярій, и лишь въ спорныхъ случаяхъ дѣла объ этомъ доходили до Сената. Нерѣдко эти распоряженія вызывали противодѣйствіе посадскихъ обществъ, но эти протесты далеко не всегда приводили къ желаннымъ результатамъ, и приписка могла состояться, «не смотря на нежеланіе такого то купечества». Пріемъ по поручнымъ записямъ обычно происходилъ съ согласія мѣстнаго магистрата, постановленія котораго нуждались еще въ санкціи главнаго магистрата, «дабы не были приняты такіе, коихъ принять не надлежитъ». Отъ этой опеки центра мѣстнымъ магистрамъ избавиться не удалось.

Разбирая составъ новыхъ элементовъ, образующихъ приростъ посадскаго населенія со стороны, авторъ отмѣчаетъ какъ роль самихъ посадовъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и заинтересованныхъ изъ среды уѣзднаго населенія. Любопытно здѣсь отмѣтить, что основное начало причисленія къ посадамъ жильцовъ по ихъ торговой и промышленной профессіи иногда сближалось и сливалось съ началомъ старины жительства, такъ какъ иные поселенцы на посадахъ для торгу или обученія торговому промыслу, проживая по паспортамъ отъ обществъ въ теченіе 10,20 и болѣе лѣтъ, затѣмъ хлопочутъ о зачисленіи ихъ въ посадское тягло въ силу долговременной бытности и фактическаго торга (стр. 40, ср. 4).

Въ главѣ 1-й первой части авторъ останавливается еще на двухъ вопросахъ: на переходахъ посадскихъ тяглецовъ изъ одного посада въ другой и на порядкѣ выхода изъ посадскаго состоянія. Авторъ думаетъ, что XVIII вѣкъ «уже не зналъ прикрѣпленія посадскихъ людей къ опредѣленнымъ посадскимъ обществамъ» (стр. 49). Если онъ въ этомъ усматриваетъ отличіе новой эпохи отъ московскаго права, то едва ли онъ правъ. Хотя въ Москвѣ неоднократно провозглашался принципъ прикрѣпленія къ посадамъ наличныхъ жильцовъ, но практика постоянно его нарушала и въ такихъ размѣрахъ, что не одинъ разъ приходилось давать этимъ отступленіямъ указную санкцію. Все это, конечно, хорошо извѣстно автору, какъ извѣстно ему и то, что и въ XVIII в. эти переходы «поставлены въ зависимость отъ

особаго каждый разъ разрѣшенія главнаго магистрата», а иной разъ категорически запрещались, какъ это видно изъ указа 1729 г. относительно переведенцовъ въ Петербургъ (стр. 50 и 53). Направленіе практики въ рѣшеніи споровъ между посадами изъ-за тяглецовъ опредѣлялось, какъ указываетъ самъ авторъ, ссылкой на фактическое продолжительное пребываніе на новомъ мѣстѣ жительства, т. е. ссылкой на старину, при чемъ формальнымъ основаніемъ выставлялась ст. 19 гл. XIX Уложенія, «изъ которой можно было извлечь и полное запрещеніе какихъ бы то ни было переводовъ посадскихъ людей изъ посада въ посадъ» (стр. 58). Но еще чаще споры рѣшались не по формальнымъ основаніямъ, не въ силу требованій права, а по соображеніямъ политики: жилецъ оставлялся за тѣмъ посадомъ, который болѣе запустѣлъ, гдѣ сильнѣе была нужда въ лишнемъ плательщикѣ (стр. 59). Можно лишь согласиться съ тѣмъ общимъ заключеніемъ автора, что «крѣпостной характеръ посадской общины въ теченіе XVIII в. медленно, но послѣдовательно шелъ на убыль, а вмѣстѣ съ тѣмъ и притязанія обществъ на безвыходную принадлежность къ нимъ всѣхъ наличныхъ членовъ все болѣе теряли подъ собою почву. При томъ, заграждая выходъ изъ общины платежноспособныхъ членовъ, всѣ посадскія общества охотно принимали къ себѣ переходящихъ къ нимъ состоятельныхъ тяглецовъ, и этой принципіальной непослѣдовательностью своихъ дѣйствій не могли не подорвать собственныхъ закрѣпостительныхъ притязаній» (стр. 61).

Выходъ изъ посадскаго состоянія и въ XVIII в. по общему правилу не допускался, даже съ согласія посадскаго общества, безъ особаго каждый разъ разрѣшенія высшихъ учрежденій. Но по распоряженіямъ этихъ послѣднихъ переводы посадскихъ людей въ другія состоянія, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, допускались.

Глава 2-я посвящена выясненію численности посадскаго населенія. А. А. Кизеветтеръ подвергъ пересмотру вопросъ объ итогѣ первой ревизіи и, вмѣсто установленной П. Н. Милюковымъ и принятой другими изслѣдователями цифры населенія по сенатской вѣдомости 1724 г. въ количествѣ 5,436,013 душъ крестьянъ и 169,426 посадскихъ, указываетъ цифру населенія, установленную Сенатомъ въ 1751 г. въ количествѣ 5,794,928 всѣхъ ревизскихъ душъ. Это и есть та цифра, которую приводитъ Голиковъ, ошибочно лишь принявшій эту цифру за итогъ только крестьянскихъ ревизскихъ душъ. Сенатъ исправилъ эти данныя по вѣдомости 1728 г. и цифру крестьянскаго населенія установилъ въ 5,472,516 д.; число же посадскихъ по первой ревизіи осталось Елизаветинскому Сенату неизвѣстнымъ. А. А. Кизеветтеру удалось найти послѣднюю цифру въ ревизскихъ вѣдомостяхъ 1727—1728 гг., гдѣ она показана въ 183,437 д. По Кирилову, свѣдѣнія котораго повидимому относятся также къ 1724 г.,

число посадскихъ равнялось 172,385. Получаются, такимъ образомъ, три итога посадскаго населенія по первой ревизіи. Надо думать, что итоги переписи къ 1728 г. могли быть точнѣе подведены, чѣмъ въ 1724 г., а потому цифра, указанная А. А. Кизеветтеромъ, должна всего ближе соотвѣтствовать дѣйствительности. Онъ же указалъ, что по одному своду, представленному въ Кабинетъ въ 1738 г., общій итогъ посадскаго населенія по первой ревизіи исчислялся въ 184,759 д. (стр. 78 — 81 и 83).

Въ указанномъ сводѣ показано 269 городскихъ поселеній. По другимъ даннымъ за первую четверть XVIII в. число городовъ колеблется отъ 280 до 339. Авторъ приводитъ по даннымъ свода количество посадскаго населенія въ 189 городахъ; въ 80 городахъ посадскихъ людей совсѣмъ не показано (стр. 84—99). Это опять не новое явленіе; извѣстно, что въ 70-хъ годахъ XVII в. во многихъ городахъ и городкахъ совсѣмъ не было посадскихъ жильцовъ.

Итоги населенія по второй ревизіи точно такъ же колеблются по показаніямъ Германа, Вольтера и Болтина. Авторъ признаетъ болѣе точной цифру оффиціальныхъ актовъ, принятую и В. Э. Деномъ и равняющуюся 6,614,529 д. Очень близка къ этой цифрѣ другая, содержащаяся въ двухъ таблицахъ Сената, составленныхъ въ 1764 г. и найденныхъ авторомъ. Это подлинная оффиціальная сводка результатовъ второй ревизіи. По итогу этой сводки цифра населенія равнялась 6,624,021. Количество посадскаго населенія показано тамъ въ 212,284. Изъ этихъ сводныхъ таблицъ Сената авторъ приводитъ данныя о количествѣ посадскаго населенія въ 202 поселеніяхъ (стр. 99 — 111).

Для разъясненія итоговъ населенія по третьей ревизіи (свыше 7 милл.) у автора пока не оказалось данныхъ. О количествѣ посадскаго населенія по этой ревизіи имѣется нѣсколько оффиціальныхъ данныхъ, цифры которыхъ колеблются въ предѣлахъ отъ 198,239 до 228,365. Авторъ принимаетъ послѣднюю цифру, заимствованную изъ комиссаріатской вѣдомости о числѣ купечества, представленной въ 1769 г. въ Сенатъ. О населенности отдѣльныхъ посадовъ по третьей ревизіи опять не оказалось данныхъ въ распоряженіи автора, и въ упомянутой вѣдомости приведены только итоги по губерніямъ. При сравненіи общихъ итоговъ посадскаго населенія по даннымъ трехъ ревизій, оказывается, что процентное отношеніе этого населенія ко всей совокупности тяглаго населенія составляло отъ 3,2% до 3,1%. Итоги же по губерніямъ (стр. 114—116) привели автора къ слѣдующимъ результатамъ относительно территоріальнаго распредѣленія въ Европейской Россіи посадскихъ людей: наибольшій процентъ выпадаетъ на центральный районъ (27% съ десятыми) и наименьшій на сѣверъ и Смоленскую губ. (7 — 6% и 4% съ дес.). Отношеніе же посадскаго населенія

къ общей численности тяглаго населенія даетъ иные результаты: на центръ выпадаетъ не болѣе 2,4%, а наибольшій процентъ выпадаетъ на верхнее Поволжье и сѣверо-западный озерный край (4,3% и 4,2%). Авторъ даетъ слѣдующее объясненіе полученнымъ итогамъ: абсолютная численность посадскаго населенія уменьшается отъ центра къ перефиріи, какъ и общая численность тяглаго населенія. «Такой характеръ территоріальнаго распредѣленія населенія являлся продуктомъ историческихъ условій весьма древняго происхожденія, относившихся еще къ временамъ первоначальнаго сложенія московскаго государства». Наибольшій же процентъ посадскаго населенія ко всей совокупности тяглаго населенія въ сѣверо-западномъ краѣ и верхнемъ Поволжьѣ вызываетъ у автора вопросъ: «не сказалась ли въ этомъ случаѣ наибольшая зависимость торговопромышленной жизни Россіи того времени отъ балтійскихъ и бѣломорскихъ портовъ?» (стр. 119). Эта любопытная тема не нашла, однако, дальнѣйшихъ разъясненій въ изслѣдованіи автора.

Третья глава этой части, посвященная вопросу о соціальномъ составѣ посадскихъ общинъ, является одной изъ самыхъ интересныхъ. Автору удалось чрезвычайно наглядно подтвердить, что введенные магистратскимъ регламентомъ разряды торговопромышленнаго населенія съ раздѣленіемъ ихъ по профессіямъ на двѣ гильдіи, составляющихъ регулярное гражданство, вмѣстѣ съ сопричисленными къ этому гражданству «подлыми людьми», совершенно слились съ старой группировкой посадскаго населенія на три статьи по «животамъ и промысламъ», т. е. по имущественной состоятельности, а не по профессіямъ, при чемъ и указы, и правительственные акты очень скоро отождествили понятіе гильдіи съ старой московской статьей и различали первостатейныхъ отъ среднестатейныхъ и меньшей статьи или послѣдней гильдіи. Въ силу этого уже съ конца 20-хъ годовъ двѣ гильдіи были замѣнены тремя, соотвѣтственно московскому дѣленію на три статьи. Авторъ совершенно правильно заключаетъ, что новая попытка раздѣленія на гильдіи «не пошла далѣе заимствованія чисто-внѣшней черты западноевропейской гильдейской организаціи — соединенія городскаго населенія на группы по общности профессіи. Такъ какъ въ жизни русскаго города не существовало условій, благопріятныхъ для развитія корпоративнаго гильдейскаго строя, то вновь учрежденныя гильдіи и слились вскорѣ съ старыми статьями какъ по существу, такъ и по формѣ. Причисленіе къ той или другой гильдіи стало обусловливаться исключительно степенью тяглоспособности, и гильдейская организація, подобно статейной, представляла собою ни что иное, какъ основу для разверстки посадскаго тягла» (стр. 130).

Но новая гильдейская организація отразилась все же прежде всего въ томъ, что чиновныя званія гостей, людей гостиной и суконной сотенъ

были уничтожены, и торговые люди этихъ чиновъ вошли въ составъ гильдій. Затѣмъ введена была цеховая организація для ремесленнаго населенія. Хотя по регламенту ремесленники должны были войти въ составъ второй гильдіи, но цехи возникли и существовали особо. Въ дѣйствительности группировка посадскаго населенія въ періодъ 1724—1775 гг. выразилась въ раздѣленіи посадскаго населенія на три разряда: 1) купцовъ трехъ гильдій, или статей, 2) ремесленниковъ и 3) чернорабочихъ.

Для характеристики состава городскаго населенія авторъ приводитъ богатый цифровой матеріалъ не только въ общихъ процентныхъ итогахъ по указаннымъ тремъ рубрикамъ, но и таблицу отдѣльныхъ городовъ съ показаніемъ въ % торгующихъ къ портамъ, въ городѣ, внутрь Россіи, сидѣльцовъ и прикащиковъ, всего торгующихъ, ремесленниковъ, чернорабочихъ, вмѣстѣ съ увѣчными и дряхлыми, и хлѣбопашцевъ, хотя къ даннымъ этой таблицы и предлагаетъ относиться съ извѣстной осторожностью (стр. 135—141). «Какія бы частныя поправки, заключаетъ авторъ, ни внесла критика въ добытыя и сопоставленныя нами цифровыя данныя, все же мы въ правѣ высказать, что посадская община XVIII в., по своей бытовой физіономіи, не являлась всецѣло торговой, купеческой общиной. Ремесленники и тотъ слой населенія, который можетъ быть названъ посадскимъ пролетаріатомъ, составляли въ общемъ болѣе половины всего посадскаго населенія Россіи XVIII в.» (стр. 142).

Нѣсколько интересныхъ наблюденій прибавляетъ авторъ и къ исторіи цеховъ. Мнѣніе, что цехи были не привившимся къ жизни кабинетнымъ измышленіемъ, можетъ быть принято лишь съ существенными оговорками. Авторъ приводитъ рядъ данныхъ въ подтвержденіе того, что цехи дѣйствительно заводились главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы обезпечить наличность ремесленниковъ, которыхъ можно было бы въ каждый данный моментъ призвать къ отправленію казенныхъ работъ, а потому отъ поступающихъ въ цехи отбиралась подписка въ томъ, что «они будутъ во всякой готовности, ежели когда потребуются для отправленія казенныхъ работъ». Это обязательство даже отпугивало отъ поступленія въ цехи, если судить по проекту Елизаветинской коммиссіи, которая предлагала отмѣнить требованія цеховыхъ на казенныя работы, «чтобъ мастеровые люди къ записанію себя въ цехи больше охоты имѣли». Авторъ предлагаетъ иное толкованіе указовъ о цехахъ 1722 г. въ отличіе отъ предложеннаго Дитятинымъ: посадскіе люди, занимавшіеся ремесломъ въ посадѣ, должны были обязательно записываться въ цехи; ремесленники же всякихъ чиновъ, не принадлежавшіе къ посадамъ, могли по своему желанію, если занимались мастерствомъ на продажу, записаться въ цехи, хотя это не было для нихъ обязательно. Цеховые «счислялись съ граждане и состояли въ магистрат-

скомъ вѣдомствѣ». Поэтому, когда магистраты были уничтожены, замерли и цехи, хотя не повсемѣстно. Съ возобновленіемъ магистратовъ вновь заводятся и цехи. Имѣя особую цеховую организацію, ремесленники принимаютъ участіе въ посадскихъ сходахъ и несутъ посадское тягло, — по крайней мѣрѣ цеховые изъ числа посадскихъ жильцовъ. Только въ 1762 г. они были избавлены отъ несенія посадскихъ службъ, но не платежей (стр. 145—156).

Въ заключеніе главы авторъ приводитъ подробную картину распредѣленія купцовъ по тремъ гильдіямъ въ различныхъ городахъ на основаніи двухъ вѣдомостей, составленныхъ въ 60-хъ годахъ Главнымъ магистратомъ и Коммиссіей о коммерціи (стр. 158—162), а также цифры цехового населенія различныхъ посадовъ по 2-й и 3-й ревизіямъ (стр. 162—168).

Обзоръ состава посадскаго населенія приводитъ автора къ слѣдующимъ общимъ выводамъ. Въ изучаемый періодъ посадъ оставался той же тяглой торговопромышленной общиной, какою онъ былъ въ московское время. Перемѣны въ личномъ составѣ этой общины подчинены были строгой регламентаціи въ интересахъ обезпеченія ея тяглоспособности. Не будучи многолюдной, она разбивается на нѣсколько общественныхъ рядовъ. «Многочисленная масса чернорабочаго и ремесленнаго населенія и надъ нею небольшая сравнительно группа торгующихъ купцовъ, выстроенная въ три яруса по тремъ гильдіямъ, при чемъ, чѣмъ выше ярусъ, тѣмъ малочисленнѣе составляющій его контингентъ, — такова обычная бытовая физіономія посадской общины изучаемой эпохи». Это — «небольшая пирамидка съ широкимъ основаніемъ въ видѣ «подлаго» гражданства и съ очень тонкой верхушкой въ видѣ малочисленной группы первогильдейскихъ купцовъ» (стр. 169).

Шесть главъ части II изслѣдованія посвящены изученію посадскихъ службъ въ XVIII в. Эти многообразныя службы раздѣлялись на двѣ крупныхъ группы: «казенныя» и «гражданскія». Первыя сосредоточены были у сборовъ, падающихъ на разныя общественныя состоянія; вторыя — спеціально у сборовъ съ посадской общины по мірской раскладкѣ. На основаніи вѣдомости, представленной главнымъ магистратомъ въ Коммиссію о коммерціи въ 1764 г. и пополненной авторомъ по другимъ документамъ, прежде всего представленъ перечень службъ по указаннымъ рубрикамъ съ подраздѣленіемъ службъ *при учрежденіяхъ* казенныхъ и сословныхъ и собственно *при сборахъ* казенныхъ и гражданскихъ. Въ общемъ итогѣ получилось до 40 рубрикъ, которыми, однако, вовсе не исчерпывались всѣ виды службъ, такъ какъ весьма часто назначались различныя экстренныя службы, какъ по правительственнымъ предписаніямъ, такъ и по постановленіямъ мѣстныхъ сходовъ. Такое переобремененіе службами торговыхъ людей уже въ 20-хъ годахъ обратило на себя вниманіе Коммиссіи о коммерціи, ко-

торой и былъ поставленъ вопросъ о преобразованіи этихъ службъ. Уже въ то время поступили отъ нѣкоторыхъ городовъ ходатайства объ отмѣнѣ посадскихъ службъ. Но тѣ же ходатайства повторяются и въ наказахъ Екатерининской Коммиссіи. Только жалованная грамота городамъ уничтожила посадскія службы у сборовъ.

Авторъ дѣлаетъ попытку хотя приблизительно учесть бремя посадскихъ службъ. По указанной вѣдомости онъ приводитъ количество людей, потребованнымъ къ службамъ въ 183 городахъ. По разнымъ городамъ эти цифры колеблются отъ 412 до 4. Если же взять отношеніе этихъ цифръ къ количеству ревизскаго населенія указанныхъ городовъ, то окажется, что въ службахъ состояло отъ 31,9% до 0,4% посадскаго населенія. При этомъ обнаруживается, что распредѣленіе службъ между отдѣльными посадами было крайне неравномѣрно: отъ Курмыша служило 23 чел. при населеніи въ 72 рев. д., а отъ Калуги 136 чел. при населеніи въ 6,716 д. и т. п. Но эти процентные показатели далеко не выражаютъ дѣйствительнаго обремененія службами, такъ какъ по многимъ городамъ населеніе послѣ ревизіи убыло, да и изъ наличнаго населенія далеко не всѣ годны были къ службамъ. Поэтому въ иныхъ мѣстахъ оказывалось, что ежегодно служили «отцы и дѣти и братья поголовно, не перемѣняясь, изъ службы въ службу, для того, что перемѣниться не кѣмъ» (стр. 176—185).

Самое количество службъ вовсе не оставалось неизмѣннымъ. Изъ сопоставленія данныхъ вѣдомости 1764 г. съ найденными авторомъ данными главнаго магистрата за 1766—1768 гг. видно, что съ одного и того же города за указанное время требуется то 137, то 392, то 525 людей (Кунгуръ), или 64 и 246 (Нижній-Новгородъ), 56 и 198 (Бѣлгородъ) и пр. Авторъ подробно останавливается на выясненіи причинъ такихъ колебаній.

Прежде всего, всякая перемѣна въ сборахъ, хотя бы они не касались непосредственно посадовъ, могла отразиться на объемѣ службъ. Введеніе гербовой бумаги, поведерной пошлины съ винной продажи, сбора за подъемъ на вѣсы, даже учрежденіе должности фискаловъ — все это налагало на посадскую общину новыя обязательства по доставленію новыхъ людей къ этимъ службамъ. Съ другой стороны, иныя службы и отмѣнялись, хотя опять таки не по мотивамъ облегченія посадскихъ службъ. Особенно на сокращеніе службъ повліяло уничтоженіе внутреннихъ таможенъ въ 1753 г. Въ частности, размѣры службъ колебались отъ частаго назначенія экстренныхъ запросныхъ сборовъ и коммандировокъ. При Петрѣ особенно часто назначались запросные сборы; а потомъ очень отяготительны были службы при рекрутскихъ наборахъ и сборахъ драгунскихъ лошадей. Прибылыя службы нерѣдко затрудняли отбываніе очередныхъ службъ, такъ какъ «многіе посадскіе люди выбраны и впредь выбраны будутъ во многія прибылыя

службы, и затѣмъ очередныхъ къ службѣ посадскихъ людей остается самое малое число, а въ иныхъ городахъ и не достаетъ».

Количество службъ стояло въ зависимости отъ различныхъ теченій въ области казеннаго хозяйства, особенно отъ заведенія или отмѣны различныхъ регалій. Авторъ пересматриваетъ исторію соляной регаліи, табачной монополіи и др. для иллюстраціи размѣра связанныхъ съ этимъ службъ. Онъ указываетъ далѣе и на колебаніи службъ по мѣстностямъ, такъ какъ иныя мѣстныя службы вызывались особенностями даннаго города, гдѣ требовались какія-либо особыя службы или почему-либо отсутствовали службы обычныя (стр. 194—210).

Службы при казенныхъ сборахъ значительно видоизмѣнялись въ зависимости отъ той или иной системы ихъ взиманія. Казенные сборы или взимались на вѣрѣ, или возлагались на магистраты и общества, или сдавались на откупъ. При вѣрной системѣ посадъ ежегодно долженъ былъ избирать указанное число выборныхъ людей и поручителей за нихъ, при чемъ отвѣтсвенность падала на сборщиковъ и ихъ выборщиковъ, подписавшихъ выборы, и только въ случаѣ ихъ несостоятельности взысканіе могло упасть и на все общество. При возложеніи сборовъ на магистраты, члены присутствія за своею отвѣтственностью опредѣляли сборщиковъ; а если сборы возлагались на все общество, то сборщики избирались мѣстнымъ сходомъ, и отвѣтственность падала на общество. Изъ этихъ трехъ системъ взиманія указы и практика за разсматриваемое время предпочитаютъ то одну, то другую. До 40-хъ годовъ предпочтеніе отдавалось возложенію сборовъ на магистраты и ратуши, но затѣмъ довѣріе и къ нимъ начинаетъ ослабѣвать. Въ 1750 г. Сенатъ высказался за откупную систему, такъ какъ «у вѣрныхъ сборщиковъ всегда бываютъ противъ откупщиковъ большіе недоборы, да и на магистратахъ и ратушахъ по рапортамъ всегда оказывается не малая доимка». Манифестъ 1765 г. рѣшительно высказался за откупную систему въ сферѣ питейныхъ сборовъ. Авторъ, однако, отмѣчаетъ любопытное явленіе, что топографически вѣрная система имѣла широкое распространеніе еще въ 50-е годы. Онъ нашелъ свѣдѣнія за 1753 г. объ организаціи кабацкаго сбора по всей Россіи, при чемъ оказывается, что на вѣрѣ сборъ взимался въ 85 городахъ, возложенъ на магистраты и ратуши въ 61 городѣ и сданъ въ откупъ въ 63 городахъ (стр. 223). Такое распространеніе вѣрныхъ сборовъ можно объяснить только тѣмъ, что къ нимъ приходилось прибѣгать всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было ни возложить сборовъ на ратуши, ни найти откупщиковъ. Само населеніе вѣрную систему разсматривало, какъ самую тягостную; но оно боялось такъ же и откупщиковъ, отъ которыхъ ему приходилось не мало терпѣть (стр. 228, 229, 231, 232, 234). Возложеніе сборовъ на ратуши и общества признавалось насе-

леніемъ наиболѣе желательнымъ, но если это не всегда проводилось, то лишь вслѣдствіе того, что размѣры сборовъ нерѣдко опредѣлялись по вздутымъ откупщиками цѣнамъ, которые за такую услугу казнѣ требовали награжденія ихъ серебряными ковшами. Ратушамъ приходилось отказываться отъ принятія сборовъ въ такихъ случаяхъ, и тогда выходъ находился въ вѣрной системѣ. Правительство не имѣло ничего противъ откупа, такъ какъ казенные интересы при этомъ лучше обезпечивались. Понятно, что при такихъ условіяхъ откупная система и взяла верхъ надъ другими системами взиманія. Въ заключеніе главы 1-й авторъ останавливается на нѣкоторыхъ подробностяхъ отдачи сборовъ на откупъ (стр. 236—248).

Въ главѣ 2-й части II авторъ пытается учесть размѣры мѣстныхъ службъ болѣе точно по тремъ группамъ: службамъ по управленію, службамъ при сборахъ и службамъ при казенныхъ учрежденіямъ на основаніи данныхъ, подобранныхъ для нѣсколькихъ отдѣльныхъ городовъ отъ начала, средины и второй половины XVIII в. Только для 1763 г. у него въ распоряженіи оказалась подробная вѣдомость о распредѣленіи посадскихъ людей разныхъ посадовъ по отдѣльнымъ видамъ службъ. Данныя для сравненія оказываются во всякомъ случаѣ не равными. При значительныхъ колебаніяхъ въ размѣрахъ службъ выводы могутъ получиться лишь весьма относительные. Изъ сравненія указанныхъ данныхъ авторъ приходитъ къ заключенію, что службы при казенныхъ учрежденіяхъ въ провинціальныхъ посадахъ играютъ совершенно невидную роль сравнительно съ службами по управленію и по сборамъ. Службы по сборамъ рѣшительно преобладаютъ въ срединѣ вѣка, а съ 60-хъ годовъ наблюдается обратное отношеніе, и первое мѣсто въ составѣ посадскаго бремени занимаетъ служба по управленію. Этимъ наблюденіямъ авторъ даетъ слѣдующее объясненіе: «сильное вліяніе на сокращеніе посадскихъ службъ у сборовъ оказало: 1) уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и 2) сокращеніе службъ у питейныхъ сборовъ, очевидно вслѣдствіе распространенія и затѣмъ окончательнаго утвержденія во второй половинѣ XVIII в. откупной системы. Одновременно съ этимъ во многихъ посадахъ замѣтно увеличиваются штаты выборныхъ служителей при мѣстныхъ магистратахъ и полицейскихъ должностяхъ». Но такъ какъ послѣдній процессъ идетъ медленнѣе перваго, то въ общемъ авторъ констатируетъ облегченіе посадскаго служилаго бремени (стр. 270).

Нѣкоторыя изъ службъ, въ особенности службы у сборовъ, должны были отбываться не на посадѣ, а въ уѣздныхъ пунктахъ, гдѣ расположены были кабацкія и соляныя стойки, конскія площадки и т. п. Эти уѣздныя службы совсѣмъ отрывали торговаго человѣка отъ его хозяйства и ложились еще бо̀льшимъ бременемъ, чѣмъ мѣстныя службы. Бремя такихъ уѣздныхъ службъ распредѣлялось также крайне неравномѣрно, такъ какъ въ

однихъ уѣздахъ такихъ служебныхъ пунктовъ бывало не болѣе одного, двухъ, а въ другихъ до ста и болѣе. Къ тому же эти служебные пункты отстояли отъ посадовъ иногда близко, а иногда за 300 и свыше верстъ. Такая отдаленность вызывала иногда вопросы объ отписаніи такихъ отдаленныхъ пунктовъ къ другому городу — въ нарушеніе административнаго дѣленія на уѣзды. Авторъ приводитъ любопытныя выдержки изъ дѣла объ отписаніи отъ Новгорода дальнихъ кружечныхъ дворовъ къ инымъ посадамъ (стр. 274—280). Трудность несенія уѣздной службы выдвинула и вопросъ о переложеніи этихъ службъ на уѣздное населеніе. На этой почвѣ возникло не мало споровъ между посадами и уѣздами, которые, однако, рѣшались весьма разно, примѣнительно къ условіямъ конкретнаго случая.

Но посадскія службы уносили иной разъ посадскаго человѣка и за предѣлы уѣзда. Такія службы назывались отъѣзжими. Тягость отъѣзжихъ службъ была, конечно, особенно ощутительна, что было очевидно и для правительства. Оно въ 1728 г. даже совсѣмъ отмѣнило «службы изъ города въ другой городъ», но въ 1736 г. допустило назначать въ службы въ своихъ губерніяхъ. Однако и отъ этого ограниченія приходилось дѣлать нерѣдкія отступленія. Къ нѣкоторымъ отъѣзжимъ службамъ привлекались всѣ посады. Таковы были службы по Петербургу. Къ другимъ службамъ привлекались лишь нѣкоторые посады, какъ это было, напр., установлено для обслуживанія Макарьевской ярмарки. При этомъ отборѣ руководствовались, повидимому, отчасти близостью разстоянія, отчасти степенью населенности привлеченныхъ къ службамъ посадовъ. Но и самъ авторъ иной разъ теряется въ догадкахъ относительно руководящихъ при этомъ соображеній (стр. 296—298). Иные посады освобождались отъ такихъ службъ, напр., «за пожарами и умаленіемъ купечества» и иными «изнеможеніями». Третью категорію отъѣзжихъ службъ составляли тѣ службы, къ которымъ причислялись посады какой-либо одной губерніи. Обслуживаніе волжскихъ рыбныхъ промысловъ возложено было на Казанскую губернію изъ всѣхъ посадовъ «по препорціи по числу купечества». Наконецъ, всего чаще отъѣзжія службы принимали форму обслуживанія одного посада другимъ. Это вызывалось или тѣмъ, что данный посадъ накопилъ большую недоимку, такъ что мѣстнымъ купцамъ, «пока въ состояніе не придутъ, ни въ чемъ повѣрить не можно»; или же тѣмъ, что мѣстное купечество по особому пожалованію освобождалось отъ всякихъ службъ; или тѣмъ, наконецъ, что въ иныхъ городахъ купечества не имѣлось «ни единой души». На какихъ основаніяхъ производилась раскладка отъѣзжихъ службъ по отдѣльнымъ посадамъ въ каждомъ случаѣ, — опредѣлить не легко. За отсутствіемъ общихъ указныхъ правилъ, авторъ пытается уловить ихъ изъ сопоставленія отдѣльныхъ случаевъ правительственной практики (стр. 306—314), а въ заключеніе,

за невозможностью представить полную картину отъѣзжихъ службъ, предлагаетъ собранныя имъ данныя для обзора отъѣзжихъ службъ для нѣкоторыхъ губерній (стр. 314—321).

Глава о мірской раскладкѣ посадскихъ службъ представляетъ значительный интересъ. Авторъ устанавливаетъ, что съ точки зрѣнія раскладки службъ послѣднія являлись очередными или неочередными. Для выполненія тѣхъ и другихъ производились выборы; но только для очередныхъ службъ требовалось какъ установленіе очереднаго порядка, такъ и наблюденіе за его выполненіемъ; при выборахъ же на неочередныя службы важно было намѣтить подходящаго человѣка внѣ какихъ-либо соображеній объ очереди. Въ очередь включались службы у сборовъ и службы постоянныя съ періодическимъ переизбраніемъ состоящихъ при нихъ лицъ. Въ каждомъ спорномъ или сомнительномъ случаѣ отнесеніе службы къ той или иной группѣ рѣшалось обществомъ, хотя и не безъ вмѣшательства иной разъ со стороны Главнаго магистрата.

Служебная очередь выражалась въ установленіи равномѣрныхъ перерывовъ между послѣдовательными службами, такъ что никто не могъ быть выбранъ въ службу до истеченія этого перерыва. Перерывъ между послѣдовательными службами въ разныхъ посадахъ былъ, конечно, не одинаковъ, въ зависимости отъ количества службъ и численности годнаго къ службамъ населенія того или другого посада. Но и въ одномъ и томъ же посадѣ очередь могла быть разной для разныхъ группъ населенія; напр., купцы 1-й гильдіи могли служить по очереди между собой иначе, чѣмъ купцы 2-й и 3-й гильдій. Изъ жалобъ купцовъ надо заключить, что служебныя очереди въ XVIII в. участились по сравненію съ прежнимъ. Но подобныя же жалобы извѣстны и отъ половины XVII в.

Любопытно, что очередь установлялась не по душамъ, а по дворамъ. По мѣстонахожденію двора отбывались и службы. Всѣ нераздѣленные члены семьи включались въ одну очередь, и было безразлично, кѣмъ бы изъ членовъ нераздѣленной семьи ни отбывалась служебная очередь, если только данное лицо способно было къ службѣ. Этотъ порядокъ раскладки выработанъ былъ практикой, но не санкціонированъ указомъ.

Очередной порядокъ службы на практикѣ, однако, встрѣчалъ цѣлый рядъ препятствій и изъятій, не говоря уже о многочисленныхъ злоупотребленіяхъ. Для многихъ посадовъ обиліе службъ совсѣмъ не соотвѣтствовало количеству годнаго къ службѣ населенія, и въ такомъ случаѣ приходилось многимъ служить внѣ очереди, такъ какъ перемѣниться было не кѣмъ. Въ видахъ покровительства нѣкоторымъ видамъ промышленности, отъ всякихъ службъ освобождались, напр., фабриканты, если они являются первыми устроителями заводовъ и, какъ опредѣлено позднѣе, лишь такихъ, которые

вводятъ новый видъ производства, при чемъ предписывалось не освобождать отъ службы владѣльцевъ малыхъ фабрикъ, заведенныхъ только «для лица», чтобъ получить привилегію. Далѣе, изъятія распространялись на откупщиковъ, въ контрактахъ съ которыми включалось условіе о непривлеченіи ихъ въ службы. Хотя указомъ 1731 г. такое условіе запрещено было влючать въ договоры объ откупахъ, и объявлялись недѣйствительными всѣ прежнія подобныя условія; но отъ этихъ правилъ стали допускать отступленія уже во второй половинѣ вѣка, а въ 1767 г. откупщики объявлены коронными повѣренными, а послѣдніе были освобождены отъ всѣхъ гражданскихъ службъ. Наконецъ, къ этой же категоріи лицъ отнесены и солепромышленники. Другія категоріи изъятій установлены для нѣкоторыхъ группъ населенія въ цѣляхъ установить для нихъ облегченія. Таковы инородцы и иностранцы, крестьяне, вступившіе въ посады, одинокіе, но обладающіе значительными торгами купцы, малолѣтніе и престарѣлые. Всѣ эти изъятія, сокращая кругъ служилоспособныхъ лицъ, значительно усиливали бремя очередной службы для остальныхъ. Въ подтвержденіе этого авторъ приводитъ нѣсколько рельефныхъ цифровыхъ таблицъ (стр. 341—344).

Равномѣрность очередной службы нарушалась отчасти еще тѣмъ, что существовала разная очередь, какъ указано и выше, между разными группами населенія. У каждой группы могли быть и свои особыя службы, подлежавшія и особой раскладкѣ. Къ самымъ отвѣтственнымъ службамъ по сборамъ и важнѣйшимъ должностямъ по управленію привлекались первостатейные купцы; къ менѣе отвѣтственнымъ и менѣе виднымъ—купцы 2-й и 3-й гильдіи. На первыхъ возлагалась «качественно бóльшая служебная тягость», а на вторыхъ — «количественно бóльшая». Очереди первыхъ были сравнительно рѣже, такъ какъ ихъ нельзя было часто отвлекать отъ собственнаго хозяйства безъ ущерба для торга и промысла; у вторыхъ торговъ и промысловъ было меньше, а потому ихъ можно было чаще привлекать къ службѣ. Къ тому же первостатейные могли замѣнять себя другими безпорочными купцами за своею собственною отвѣтственностью. Это различіе въ размѣрахъ очередныхъ службъ для разныхъ гильдій или статей авторъ подтверждаетъ цифровыми данными таблицы 1764 г. о числѣ взятыхъ въ службы въ разныхъ посадахъ отъ разныхъ гильдій съ обозначеніемъ процентнаго отношенія числа служащихъ по каждой статьѣ къ общему числу каждой статьи (стр. 347—350).

Въ послѣдней главѣ части II авторъ разсматриваетъ вопросъ объ участіи посадскихъ людей въ общихъ повинностяхъ. Но онъ оговаривается, что въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ повинностей онъ входить не можетъ, такъ какъ это отвлекло бы его далеко за предѣлы изслѣдованія и было бы для него непосильно. Онъ поэтому ограничивается лишь эскиз-

нымъ обозрѣніемъ рекрутской, постойной и подводной повинностей (стр. 352—366).

Въ шести главахъ части III подробно изслѣдуются посадскіе платежи въ XVIII вѣкѣ. Прежде всего авторъ разсматриваетъ составъ и состояніе посадскихъ платежей до введенія подушной подати. Главные виды посадскихъ платежей сохраняются въ первые годы XVIII в. въ томъ видѣ, какъ они сложились послѣ финансовой реформы 1679 г. Авторъ отмѣчаетъ, однако, слѣдующія измѣненія:

1) Одинъ изъ запросныхъ сборовъ XVII в.—десятая деньга—съ начала XVIII в. «съ неуловимой постепенностью превращается затѣмъ въ постоянный прямой налогъ, занявшій въ составѣ посадскихъ платежей первенствующее мѣсто наряду со стрѣлецкой подворной податью какъ по размѣру, такъ и по своему значенію регулятива для раскладки другихъ сборовъ». Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что авторъ не привелъ подтвержденій тому, что десятая деньга взымалась съ какого-то времени до введенія подушной подати ежегодно, т. е. превратилась уже въ постоянный сборъ. Значеніе этого запроснаго сбора, какъ регулятива для раскладки, не подлежитъ сомнѣнію и прекрасно освѣщено въ изслѣдованіи (стр. 368—369, 354—355, 378 и 523). Но отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ превратился въ постоянный сборъ. Авторъ знаетъ два оклада десятой деньги: за 1707 и 1722 гг. По тому или другому изъ нихъ могъ исчисляться размѣръ того или другого запроснаго сбора внѣ всякаго отношенія къ тому, сбирается ли въ данное время и десятая деньга, или нѣтъ. На основаніи своихъ «по необходимости слишкомъ отрывочныхъ наблюденій» едва ли авторъ могъ придти и къ такому заключенію, что «запросные сборы, составляя существенный придатокъ къ десятой деньгѣ, не отграничиваются опредѣленной чертой: многіе сборы чисто запроснаго происхожденія постепенно входятъ въ составъ табельныхъ сборовъ» (стр. 392). Можно сказать только, что при Петрѣ запросные сборы часто повторялись и были весьма разнообразны (стр. 373—375).

2) Немаловажнымъ измѣненіемъ явился ростъ оброчныхъ денегъ съ бань, мельницъ, постоялыхъ дворовъ, торговыхъ площадокъ и т. д. Эти оброчныя деньги по мѣсту управленія ими въ Ингерманландской канцеляріи получили названіе канцелярскихъ денегъ (369—372).

На 3-мъ и 4-мъ мѣстахъ стоятъ: новый поголовный налогъ на промышленниковъ и ремесленниковъ и уже отмѣченные разнообразные виды запросныхъ денегъ.

Объ организаціи этихъ сборовъ авторъ сообщаетъ лишь нѣкоторыя частныя подробности относительно взиманія десятой деньги «съ торговъ и пожитковъ», каковой сборъ иной разъ, подъ давленіемъ первостатейныхъ людей, превращался въ подворный налогъ, что вызывало жалобы на этихъ

людей, ибо они, «оставя раскладку податей по древнему обыкновенію по пожиткамъ, равняютъ убогихъ въ равныя съ собой подати числомъ дворовымъ» (стр 378—389). Въ заключеніе этой главы авторъ на двухъ примѣрахъ посадскихъ платежей разсматриваетъ, какъ отразились на посадскомъ обложеніи общія характерныя черты государственнаго бюджета за петровскую эпоху и приходитъ къ заключенію, что таможенные и кабацкіе сборы занимаютъ въ этихъ платежахъ рѣшительно первенствующее мѣсто.

Во 2-й главѣ этой части разсматривается составъ посадскихъ платежей въ эпоху существованія подушной подати съ посадовъ. Авторъ начинаетъ эту главу съ замѣчанія, что «архивныя справки въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, позволяютъ разсѣять традиціонный взглядъ на мѣропріятія Петра, какъ на внезапные порывы творческаго вдохновенія». Изъ дѣлъ Сената по Главному магистрату онъ приводитъ мнѣніе магистрата «о податяхъ и рекрутахъ съ купечества», которое и легло въ основу указа 27 апрѣля 1722 г. Поверстаніе между городами по богатству, однако, не было осуществлено, но подушный сборъ внутри каждой общины получилъ чисто репартиціонный характеръ. Авторъ подробно останавливается на томъ, съ какимъ недружелюбіемъ встрѣчена была новая подать за ея отяготительность, что и выразилось сразу въ накопленіи недоимокъ. Уже съ 1727 г. поднимаются вопросы о томъ, «какимъ образомъ удобнѣе и сходнѣе съ пользою народною — съ душъ или платежу быть съ двороваго числа, съ тяголъ или земли», но дѣло свелось лишь къ тому, что необходимо произвести новую ревизію и повторять впредь черезъ 15 лѣтъ. Ходатайства о пониженіи подушнаго оклада также не имѣли успѣха, и даже, наоборотъ, появляются разныя надбавки къ существующему, а въ 1769 г. окладъ повышенъ до 2 р. съ 1 р. 20 к. по поводу турецкой войны. Но манифестомъ 1775 года подушная подать съ купечества была совсѣмъ уничтожена.

Авторъ указываетъ далѣе, какъ подушная подать упадала на крестьянъ, записавшихся въ посады, раскольниковъ, и какъ она замѣнялась для нѣкоторыхъ группъ населенія (солепромышленниковъ, кузнецовъ, инородцевъ) (стр. 404—411).

Съ введеніемъ подушной подати отмѣнены были всѣ прежніе окладные сборы, кромѣ требованія подводъ и работныхъ людей. Однако, это правило объ отмѣнѣ всѣхъ окладныхъ сборовъ не вполнѣ осуществилось. Подводная же повинность серьезно продолжала обременять посады, какъ это видно изъ размѣровъ одного вида этой повинности «подъ шествіе Ихъ Величествъ», сборъ на которую въ 1758 г. былъ распредѣленъ между всѣми посадами. Авторъ приводитъ любопытныя данныя о размѣрѣ сборовъ подъ эти «шествія» для цѣлаго ряда городовъ въ 60-хъ годахъ. Денежная же оплата рекрутской повинности не удержалась, и съ 1727 г. повинность отбыва-

лась натурой. Сверхъ подушной подати существовали еще нѣкоторые мѣстные и случайные сборы (въ родѣ любопытнаго случая напечатанія на счетъ Коммерцъ-коллегіи «Саваріева лексикона»).

Составъ таможенныхъ, кабацкихъ и канцелярскихъ сборовъ также не остался безъ измѣненій. Коммиссія о коммерціи уже въ 30-хъ годахъ поставила вопросъ о преобразованіи внутреннихъ пошлинъ. Авторъ передаетъ выработанный ею проектъ видоизмѣненій и рядъ частныхъ мѣръ, завершившихся уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ въ 1753 г. Онъ останавливается на видоизмѣненіяхъ въ кабацкихъ сборахъ и, отмѣтивъ уничтоженіе оброчныхъ и промысловыхъ сборовъ 1775 г., передаетъ содержаніе двухъ проектовъ, предшествовавшихъ отмѣнѣ подушнаго сбора съ купечества (стр. 425—434).

Въ особой главѣ (3-й) представленъ обзоръ состоянія подушнаго сбора съ посадовъ за 1724—1775 гг. Здѣсь авторъ сначала опредѣляетъ размѣры окладовъ подушнаго сбора со всѣхъ посадовъ по каждой изъ трехъ ревизій и затѣмъ подробно останавливается на вопросѣ о недоимочности. П. Н. Милюковымъ указано, что по росписи 1724 г. подушная недоимка составляла 30% оклада. Найденная авторомъ сенатская вѣдомость о поступленіи и недоимкахъ подушнаго сбора съ посадовъ всѣхъ провинцій за 1724—1727 гг. даетъ другіе результаты. За 4 года недоимка составляла въ общемъ 64,3% оклада, по отдѣльнымъ же провинціямъ недоимка въ 100% «пестритъ таблицы» (стр. 435—445). Хотя авторъ, вслѣдъ за В. Э. Деномъ, допускаетъ, что послѣ второй ревизіи размѣры недоимки уменьшились, но предостерегаетъ отъ преувеличенія этого уменьшенія; однако-же, новыхъ данныхъ для разъясненія вопроса не приводитъ. Неизбѣжная борьба правительства съ недоимочностью выдвинула вопросы о томъ, на кого падала отвѣтственность за недоимки, и какими мѣрами признавалось возможнымъ ихъ взыскивать. Авторъ указываетъ, какъ отвѣчали сборщики и ихъ наслѣдники, и какъ выборщики сборщиковъ—это въ случаяхъ злоупотребленій со стороны сборщиковъ. Но когда возникала недоимка въ чистомъ видѣ вслѣдствіе недоплатъ самихъ плательщиковъ, то въ этомъ случаѣ мірской сходъ рѣшалъ, взыскивать ли недоимку по прежнимъ розметамъ и раскладкамъ съ неплательщиковъ, или, въ силу круговой поруки, сбирать недоимку по расположенію вновь. За первый способъ стояли, конечно, первостатейные люди, за второй — малотяглые (стр. 450—456).

Глава 4-я части III посвящена обзору состоянія таможенныхъ, канцелярскихъ и кабацкихъ сборовъ за 1724—1775 гг. Оклады первыхъ двухъ видовъ сборовъ опредѣлены были по сложности поступленій за трехлѣтіе 1720—1722, а окладъ кабацкихъ сборовъ—за трехлѣтіе 1723—1725 гг. Это были годы наивысшихъ приборовъ. На основаніи систематической рос-

писи 1729 г. этимъ окладамъ, представленной изъ Камеръ-коллегіи въ Коммиссію о коммерціи, авторъ въ таблицахъ представляетъ подробный анализъ этихъ окладовъ по отдѣльнымъ провинціямъ (стр. 459—465). Изъ этихъ таблицъ видно, что въ числѣ этихъ сборовъ въ большинствѣ провинцій преобладаетъ кабацкій, составляя около половины всей окладной суммы. Таможенный и канцелярскій оклады по высотѣ колеблются, такъ что въ однихъ провинціяхъ выше первый, въ другихъ второй. Насколько эти принятые оклады были затѣмъ подняты, показываетъ сравненіе окладовъ до 20-хъ годовъ съ окладами этихъ лѣтъ по четыремъ городамъ (стр. 467). Эти оклады въ общемъ обнаруживали тенденцію къ повышенію, будучи уже сами по себѣ чрезмѣрно высокими. Растущая вслѣдствіе этого недоимочность сборовъ и постоянныя жалобы привели къ тому, что уже въ 1731 г. приказано было Камеръ-коллегіи сочинить новую окладную книгу. Но не ранѣе, какъ черезъ 10 лѣтъ начали поступать въ сенатъ по частямъ вѣдомости изъ губерній и провинцій о новыхъ окладахъ. По даннымъ сенатскаго архива авторъ даетъ обзоръ тѣхъ началъ, какими руководствовались при выработкѣ новыхъ окладовъ (стр. 474—480). Въ заключеніе главы авторъ на примѣрѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ посадовъ сообщаетъ данныя, въ какой мѣрѣ дѣйствительныя поступленія этихъ сборовъ отставали отъ окладовъ, и какихъ иногда значительныхъ размѣровъ недоимку приходилось покрывать лицамъ, отвѣтственнымъ за доимку, или всему посаду. Какъ и въ борьбѣ съ недоимочностью по подушной подати, такъ и здѣсь правительство то принимало какія-либо энергическія мѣры противъ неисправныхъ, то по безнадежности должно было недоимки слагать. Любопытно доношеніе 1733 г. Кабинету министровъ оберъ-прокурора Маслова по поводу взысканія начтенныхъ недоимокъ: «купецкихъ домовъ до 20 тысячъ и больше можетъ вовсе разориться за отписаніемъ у несостоятельныхъ плательщиковъ дворовъ, пожитковъ и заводовъ. А такъ какъ мало что не все купечество обязаны доимкою, то и покупать будетъ некому отписные дворы и заводы, чему и есть примѣры, что отписные дворы и пожитки не продаются лѣтъ по 10 и по 15». Самъ Масловъ винилъ отчасти администрацію за накопленіе недоимокъ и предлагалъ часть начетовъ обратить на нихъ, что и нашло нѣкоторое отраженіе въ послѣдующихъ указахъ (стр. 481—503).

Одной изъ самыхъ любопытныхъ главъ изслѣдованія является глава о сборахъ и расходахъ «на мірскія нужды». Здѣсь вырисовывается та почва, на которой должно было возникнуть посадское самоуправленіе. Глава начинается съ обзора доходовъ посадской общины. Первой статьей такихъ доходовъ являлись «приборныя суммы» сверхъ окладовъ по таможеннымъ, кабацкимъ и канцелярскимъ сборамъ. Какъ ни велики были оклады этихъ сборовъ, оказались такіе счастливые посады, гдѣ такіе приборы получа-

лись. Посады получали эти приборы лишь тогда, когда сборы эти возлагались на ратуши или общества. По указамъ 20-хъ годовъ эти приборы могли расходоваться на покрытіе недоборовъ по недоимочнымъ годамъ и «на общую городовую пользу». Но правительственная практика показываетъ, что этими суммами распоряжались внѣ указанныхъ рамокъ по предписаніямъ сената. Авторъ приводитъ случай, что казанской ратушѣ пришлось выдать изъ приборныхъ суммъ на оренбургскую экспедицію 30 тыс. руб. Этотъ случай даетъ автору поводъ къ заключенію, что посадскія общества не всегда рѣшались пользоваться предоставленнымъ имъ по закону правомъ употреблять приборныя суммы на мѣстныя мірскія потребности. Онъ даже заподозрилъ бургомистровъ въ намѣреніи приберегать такія суммы на случай востребованія ихъ, — въ расчетѣ получить за то награду въ видѣ серебряныхъ ковшей, какихъ удостоились казанскіе бургомистры. Но изъ указаній самого автора читатель можетъ сдѣлать и иное заключеніе о наличности приборной суммы, оказавшейся не израсходованной. Описанный случай относится къ 1735 г., а въ этомъ году послѣдовалъ указъ объ отсылкѣ приборныхъ суммъ въ рентеи съ оставленіемъ при магистратахъ десятой только доли. Черезъ два года предписано всѣ приборныя суммы взять въ Петербургъ, не оставляя ничего на городскія пользы. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ у городского начальника могли возникнуть опасенія, какъ бы не попасть подъ отвѣтъ за израсходованіе приборныхъ суммъ. При новыхъ условіяхъ приходилось каждый разъ ходатайствовать о разрѣшеніи расходовъ изъ этихъ суммъ. И авторъ констатируетъ, что расходъ изъ приборныхъ суммъ производится безпрерывно какъ на нужды самихъ сборовъ, такъ и на оплату нѣкоторыхъ посадскихъ повинностей (стр. 505—506, 508, 518). Авторъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ движенія приборныхъ суммъ за 30-е и 40-е годы въ отдѣльныхъ городахъ. Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что самая значительная доля приборныхъ суммъ ускользала изъ распоряженія обществъ, и на мірскія нужды оставалось отъ 4% до 8% и до 22%, а большая часть этихъ суммъ уходила на издержки по управленію и на возмѣщеніе недоборовъ. На основаніи доклада Главнаго магистрата и Камеръ-коллегіи объ измѣненіи порядка расходованія приборныхъ суммъ, сенатомъ въ 1745 г. изданъ указъ, который хотя и устранилъ заимствованія изъ приборныхъ суммъ на общегосударственныя нужды, но вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточилъ распоряженіе всѣми приборными суммами въ рукахъ единственно Главнаго магистрата, съ правомъ перевода приборныхъ суммъ одного посада на покрытіе недоимокъ по тѣмъ же сборамъ въ другихъ посадахъ. На случай, если и за симъ приборныя суммы оказались бы не всѣ израсходованными, Главный магистратъ долженъ былъ составить смѣту построекъ въ разныхъ городахъ смиритель-

ныхъ домовъ, госпиталей и ремонта магистратскихъ зданій. У автора не оказалось въ распоряженіи данныхъ для выясненія вопроса, въ какой мѣрѣ исполнены требованія указа 1745 г. Онъ отмѣчаетъ, что въ 40-е и 50-е годы возбужденъ посадами рядъ ходатайствъ о возвращеніи свободы распоряженія приборными суммами. По поводу такого ходатайства сибирскихъ городовъ главный магистратъ назначилъ конференцію съ Сибирскимъ приказомъ, но исходъ этого дѣла остается неизвѣстнымъ. Въ 60-хъ годахъ состоялось нѣсколько указовъ, которые расширяютъ нѣсколько права распоряженія приборными суммами для самихъ посадовъ, но эти запоздалыя мѣры не могли имѣть большого практическаго значенія, такъ какъ и самые сборы скоро перешли въ руки откупщиковъ (стр. 504—521).

Вторымъ источникомъ такихъ доходовъ являлись мірскіе сборы «на купеческія держи», установляемые общественными приговорами «за руками всѣхъ мірскихъ людей». Онѣ опредѣлялись «съ рубля подушнаго оклада» или съ души въ установленномъ размѣрѣ, напр., отъ 10 к. до 2 р. съ подушнаго рубля или души. Авторъ отмѣчаетъ, что, не смотря на обязательность этихъ сборовъ, отъ нихъ чаще уклонялись, особенно первостатейные тяглецы. Недоимочность по гильдіямъ въ подушномъ сборѣ за 1759 г. составляла для первой гильдіи 1,1%, для второй — 2,6% и для третьей 6,5%; въ гражданскихъ же сборахъ для первой гильдіи 11,8%, для второй 4,2 и для третьей 8%. Авторъ и заключаетъ, что подушный сборъ не платилъ тотъ, кто не могъ платить, а мірской сборъ чаще не платилъ тотъ, кто не хотѣлъ платить. По праву освобождались отъ гражданскихъ сборовъ лишь малосостоятельные за пустотою, ветхостью двора и пр. (стр. 521—526).

Третьимъ источникомъ были доходы отъ принадлежащихъ посаду оброчныхъ угодій. Но этотъ источникъ былъ весьма невеликъ, такъ какъ у посадовъ особыхъ оброчныхъ статей, съ которыхъ не взимался государственный оброкъ, было очень мало. Это были: иногда сдача брошенныхъ усадебныхъ участковъ или рѣдкихъ при посадахъ угодій въ родѣ рыбныхъ ловель, луговъ.

Экстренными доходами являлись правительственныя ссуды и безвозвратныя пособія въ случаяхъ какихъ-либо постигшихъ городъ несчастій или на первоначальное обзаведеніе при переименованіи слободъ въ города, а также займы у частныхъ лицъ чаще всего на покрытіе временныхъ дефицитовъ.

Расходы на мірскія нужды раздѣлялись на двѣ категоріи: обязательные и назначаемые по почину самого схода. Въ первую категорію нерѣдко попадали такіе расходы, которые никакого прямого отношенія къ мірскимъ нуждамъ не имѣли. Собственно на мірскія нужды взимались обязательные сборы на жалованье лѣкарямъ. Авторъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ

данныхъ въ подтвержденіе того, какъ туго прививался расходъ на лѣкарей, какъ купечество тяготилось этимъ расходомъ, почему-то исключительно падавшимъ на посады, когда услугами лѣкаря могли пользоваться всѣ жители. Еще къ обязательнымъ же расходамъ относились: содержаніе пробирныхъ мастеровъ, пріобрѣтеніе пожарныхъ машинъ, устройство и ремонтъ мостовъ, устройство кладбищъ, расходы по отправленію нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей, на постройку и ремонтъ магистратскихъ зданій.

Изъ второй категоріи расходовъ, установляемыхъ по почину самого общества, на первомъ мѣстѣ стоятъ расходы на уплату изъ мірскихъ суммъ за убылыхъ и престарѣлыхъ, на покрытіе недоборовъ по сборамъ, возложеннымъ на общества, на подмогу выбираемымъ къ отъѣзжимъ службамъ. На мѣстныя нужды изъ этихъ расходовъ слѣдуетъ отмѣтить расходы на управленіе въ видѣ жалованья и подмоги членамъ магистратовъ на поѣздки по дѣламъ обществъ. Сюда же необходимо отнести презентальныя деньги и разныя подношенія различнымъ чиновнымъ особамъ. Для удовлетворенія культурныхъ потребностей дѣлалось чрезвычайно мало. Авторъ отмѣчаетъ пожертвованія на церкви; относительно же устройства благотворительныхъ и образовательныхъ учрежденій, — что возлагалось на магистраты регламентомъ, — авторъ замѣчаетъ, что, «перебирая дѣлопроизводство магистратовъ, рѣдко-рѣдко, въ видѣ неожиданной случайности, наталкиваешься на извѣстіе о богадѣльномъ домѣ или училищѣ, содержимомъ на мірское иждивеніе». Онъ и приводитъ нѣсколько подобныхъ фактовъ (стр. 551—552 и 554—557, гдѣ изложено любопытное дѣло о заведеніи училища въ Астрахани; ср. статью автора «Школьные вопросы нашего времени въ документахъ XVIII в.», — «Образованіе» 1899, № 2). Но читателю можетъ показаться излишне скептичнымъ заключеніе автора, что общій выводъ о крайней рѣдкости филантропическихъ и образовательныхъ учрежденій въ посадахъ того времени не измѣнится отъ новыхъ документальныхъ находокъ. Все будетъ зависѣть, конечно, отъ количества такихъ находокъ, а предугадать ихъ число едва ли рѣшится и авторъ.

Чтобы показать движеніе мірскихъ сборовъ на гражданскія нужды, авторъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи данныхъ за весь разсматриваемый періодъ и приводитъ лишь вѣдомости этихъ движеній за 1766—1768 гг. по 51 посаду (стр. 558—564). Значительныя колебанія этихъ суммъ по смежнымъ годамъ авторъ объясняетъ отчасти возможной недоимочностью, но въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что «расходы мірской кассы обращались главнымъ образомъ не на удовлетвореніе какихъ-либо постоянныхъ, коренныхъ и планомѣрно развиваемыхъ потребностей общественнаго хозяйства, а на покрытіе случайныхъ надобностей и запросныхъ требованій правительства». При такихъ условіяхъ не возможна была и какая-либо предва-

рительная смѣта годовыхъ расходовъ. Однако, нѣкоторые посады «повсягодно» назначали общую сумму на всѣ возможные встрѣтившіеся расходы, а другіе назначали суммы по мѣрѣ встрѣтившихся надобностей. Но отсутствіе правильныхъ порядковъ хозяйства не избавляло и общины перваго вида отъ дополнительныхъ назначеній въ теченіе всего года, если назначенная сумма оказывалась недостаточной. Эти же общія условія приводили и къ тому, что въ большинствѣ посадовъ каждому расходу соотвѣтствовалъ особый сборъ, независимо отъ того, назначались ли эти сборы въ теченіе всего года по мѣрѣ надобности, или по нѣскольку одновременно.

Въ заключеніе этой главы авторъ сопоставляетъ размѣры и результаты государственнаго подушнаго и мірского обложенія. Онъ не могъ воспользоваться для этого указанной таблицей движенія мірскихъ суммъ по 51 посаду, сопоставивъ ее съ данными третьей ревизіи, такъ какъ для подушнаго сбора могъ бы получить только оклады, а не размѣры поступленій, и степень недоимочности осталась бы скрытой. Поэтому онъ останавливается на разсмотрѣніи отчетныхъ вѣдомостей лишь нѣсколькихъ посадовъ. У него въ распоряженіи оказалось 13 такихъ вѣдомостей съ весьма различными бюджетами. При разсмотрѣніи ихъ оказывается, что недоимочность по мірскимъ сборамъ въ общемъ выше недоимочности по подушному сбору. Численное же соотношеніе расходовъ на подушный платежъ и по мірскимъ приговорамъ таково, что лишь въ одномъ случаѣ размѣръ платежа по мірскимъ приговорамъ оказался выше размѣра подушнаго платежа: во всѣхъ же другихъ послѣдній оказался выше, поднимаясь въ большинствѣ случаевъ до двухъ третей и даже до 80% всего расхода (стр. 571—595). Нельзя, однако, забывать при этомъ и того, что значительная часть и мірскихъ платежей шла на покрытіе различныхъ государственныхъ повинностей. И это даетъ автору право на то общее заключеніе, что «посадскіе бюджеты XVIII в. ярко отразили тяглый, закрѣпощенный характеръ посадскихъ обществъ того времени. Придавленная тяжелымъ податнымъ и повинностнымъ бременемъ, туго стяпутая обязательной круговой порукой — посадская община не могла явиться основой для успѣховъ того прогресса городской жизни, о которомъ говорилось въ магистратскомъ регламентѣ. Порывы къ лучшему устроенію посадскаго быта не были безусловно чужды посадскому населенію. Но дѣйствительность не представляла благопріятныхъ условій для того, чтобы эти порывы могли достигнуть сколько-нибудь значительнаго размаха».

Въ послѣдней главѣ части III идетъ рѣчь объ общинной раскладкѣ посадскихъ платежей. Все вниманіе авторъ сосредоточиваетъ на разсмотрѣніи разверстки подушной подати, такъ какъ всѣ другіе платежи приспособлялись къ той же разверсткѣ. Сходомъ избирались окладчики, которые

отъ магистрата или ратуши получали инструкціи. Изъ приведенныхъ авторомъ образцовъ такихъ инструкцій явствуетъ, что основаніемъ оклада считались дворовыя, огородныя и пустошныя земли, торги и богатство. Соотношеніе между этими основаніями зависѣло отъ опредѣленій схода, которыя колебались въ зависимости отъ различныхъ бытовыхъ особенностей. Большею частью условную счетную единицу составляла окладная душа (1 р. 20 к.). Количество такихъ душъ по числу ревизскаго населенія даннаго посада и разверстывалось между дворами путемъ свалки и навалки душъ. Но въ этотъ мірской порядокъ раскладки нерѣдко вторгались регламентирующія теченія сверху, въ видѣ ли обязательнаго исключенія изъ оклада нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, или, наоборотъ, усиленнаго обложенія другихъ. Въ силу этого нарушенія соотвѣтствія между пожиточностью и высотой доли оклада встрѣчались нерѣдко и помимо злоупотребленій. Но во всякомъ случаѣ первенствующая роль въ правильномъ отбываніи посадскихъ платежей должна была выпадать на первостатейныхъ людей въ силу ихъ богатства. Авторъ приводитъ случаи навалки душъ на отдѣльный дворъ купцовъ 1-й гильдіи отъ 7 до 100. Купцамъ 1-й и 2-й гильдіи вмѣстѣ приходилось платить собственнаго оклада до 25,2% и за навалочныя души 74,8%. Подобныя картины, по замѣчанію автора, даетъ любая окладная книга городового посада XVIII в. Но такую тягость за посадъ первостатейные люди несли не даромъ. Это выдвигало ихъ въ ряды правящаго городскаго слоя, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рельефно подчеркивалось тѣмъ, что подъ именемъ каждаго плательщика за навалочныя души подписывались тѣ, за кого онъ платитъ съ тою цѣлью, чтобы «смотрѣть за послѣдними и побуждать ихъ къ ремесламъ и художествамъ». Круговая порука, такимъ образомъ, служила основой для тѣхъ отношеній господства и зависимости, какими проникнутъ общественный строй посадской общины въ XVIII в.

Послѣдняя, IV часть изслѣдованія и посвящена выясненію упомянутыхъ отношеній господства и зависимости, поскольку это отразилось въ области городского самоуправленія на составѣ посадскихъ сходовъ и роли этихъ сходовъ при избраніи магистратскихъ членовъ. Авторъ исходитъ изъ указанія на то, что хорошо изученная исторія магистратскаго управленія не даетъ полнаго отвѣта на вопросъ объ организаціи посадскаго самоуправленія. Магистраты по отношенію къ посадскому обществу стоятъ въ числѣ «управителей» вслѣдъ за губернаторами и воеводами, числятся «главою и начальствомъ всему гражданству», а потому являются не органами избравшаго ихъ міра, а агентами правительства. Органами общественнаго управленія выступали по преимуществу мірской посадскій сходъ, а его исполнительной инстанціей — старостинская изба или старшинское правленіе съ посадскимъ старостой во главѣ. Между этими органами и магистратами нерѣдко суще-

ствовали весьма враждебныя отношенія, при чемъ магистраты на всякое проявленіе самостоятельности со стороны схода готовы были смотрѣть какъ на проявленіе мятежнаго духа и требовали отъ сходовъ исполненія ихъ распоряженій, «а не то, чтобы требовать отъ нихъ мнѣнія или приговору». Авторъ тщательно подобралъ (стр. 623—630) всѣ законодательныя опредѣленія о предметахъ дѣятельности посадскихъ сходовъ за весь изучаемый имъ періодъ, но совершенно правильно замѣчаетъ, что эти данныя не даютъ яснаго представленія о посадскомъ сходѣ. Отсюда и понятно, почему этотъ сходъ не могъ остановить на себѣ вниманіе изслѣдователей. Въ распоряженіи автора оказался обширный архивный матеріалъ, на основаніи котораго онъ и вскрываетъ впервые совершенно неизвѣстныя ранѣе стороны общественнаго строя городской жизни въ XVIII в.

Посадскій міръ издавна слагался изъ мелкихъ союзовъ подъ именемъ сотенъ и слободъ. Эти союзы продолжаютъ существовать и въ XVIII в. и объединяются въ мірскомъ посадскомъ сходѣ. Съ учрежденіемъ гильдій прибавились новые элементы расчлененія посадскаго міра, переплетавшіяся съ старыми мелкими союзами, такъ что наряду съ слободскими и сотенными сходами и ихъ старостами возникли гильдейскіе сходы и гильдейскіе старшины. Цѣлый посадскій міръ, какъ указано, имѣлъ свои органы. На нихъ то и сосредоточиваетъ свое вниманіе авторъ. Онъ выясняетъ прежде всего положеніе посадскаго старосты, двойственность его положенія, приводитъ по выдержкамъ изъ инструкцій, какія давались имъ сходами, важнѣйшія черты его обязанностей и полномочій (стр. 633—637), а затѣмъ переходитъ и къ посадскому сходу.

Сходы созывались старостою въ «посадской» или «мірской избѣ» или «во опредѣленномъ для общихъ совѣтовъ мѣстѣ». Авторъ думаетъ, что посѣщеніе мірскихъ сходовъ считалось обязательнымъ для посадскаго тяглеца. Въ подтвержденіе этого приводятся указанія на то, что неявившихся на сходъ староста могъ вытребовать черезъ десятскаго, что право не посѣщать сходы испрашивалось со ссылкой на «крайнее несостояніе», что даже «за нехожденіе по повѣсткѣ на совѣты» одинъ сходъ разъ постановилъ отнять у неисправнаго луга. Но вслѣдъ за этимъ, отмѣтивъ, что на сходахъ участвовали тяглецы всѣхъ трехъ статей, и что представительство дворовъ имѣло мѣсто лишь по исключенію въ немногихъ посадахъ, представительство же въ лицѣ повѣренныхъ допускалось лишь отъ посадскаго уѣзднаго населенія, — авторъ утверждаетъ: «Изложенныя правила о широкомъ доступѣ къ посадскимъ сходамъ всѣхъ тяглецовъ и даже объ обязательности ихъ посѣщенія всѣми тяглецами не уполномачиваютъ заключить, что эти сходы фактически посѣщались многочисленными членами» (стр. 638—641). Но если фактически сходы посѣщались не всѣми и даже не многими, то

слѣдуетъ заключить, что обязанность посѣщенія плохо выполнялась. Можно даже усумниться въ томъ, что она существовала. Указнаго правила авторъ не знаетъ, а обычнымъ правило не было, какъ блестяще доказалъ самъ же авторъ. На стр. 644 — 647 онъ приводитъ таблицы посѣщаемости сходовъ, а на стр. 739 — 746 — посѣщаемости спеціально избирательныхъ сходовъ, и въ первомъ случаѣ абсолютныя числа рукоприкладствъ, а во второмъ процентъ посѣтителей къ числу ревизскаго и наличнаго населенія показываютъ весьма слабую посѣщаемость сходовъ. Самъ авторъ изъ послѣднихъ таблицъ сдѣлалъ такой выводъ: «низкій процентъ средней посѣщаемости избирательныхъ сходовъ, помимо непроизвольнаго отстраненія многихъ членовъ посада отъ участія въ нихъ по старости, маломочности, служебнымъ посылкамъ и т. п., въ значительной степени долженъ быть отнесенъ и насчетъ добровольнаго абсентеизма многихъ посадскихъ людей. Повышенная посѣщаемость сходовъ при наличности какихъ-нибудь осложняющихъ обстоятельствъ всего лучше доказываетъ, что источникомъ малолюдности избирательныхъ сходовъ при обычномъ теченіи дѣлъ всего чаще являлся именно добровольный абсентеизмъ» (стр. 746). О какой обязательности можно здѣсь говорить?

Наряду съ сомнительнымъ правиломъ объ обязательномъ посѣщеніи сходовъ авторъ ставитъ и другое, которое очень трудно связать съ первымъ, а именно, что «никакого обязательнаго minimum'а присутствующихъ для возможности открытія схода не было установлено ни закономъ, ни обычаемъ». Если собраніе можно было открыть при любомъ числѣ членовъ присутствующихъ, то какъ съ этимъ связать обязательность посѣщенія собраній? Да и самое это утвержденіе автора требовало бы по меньшей мѣрѣ оговорки. Онъ приводитъ рядъ указаній (стр. 642—643, 692, 698, 702, 704—705) на то, что иногда обращается вниманіе и на бросающуюся въ глаза малочисленность и по этой причинѣ посадскіе приговоры не утверждались или, по крайней мѣрѣ, возбуждали сомнѣніе при ихъ утвержденіи. Принципъ большинства при рѣшеніи дѣлъ, предписанный правилами, встрѣтилъ въ практикѣ отклоненіе въ сторону качественной оцѣнки участниковъ голосованія. Голоса не только считались, но и оцѣнивались. Но, правда, эта оцѣнка была не оцѣнкой внутреннихъ нравственныхъ качествъ голосующихъ, а измѣреніемъ толщины ихъ кармановъ. Такая же оцѣнка играла роль и при утвержденіи приговоровъ, постановленныхъ очень малочисленными сходами. Но все же съ численностью приходилось считаться, и съ ней считались.

Авторъ останавливается далѣе на компетенціи посадскаго схода и при этомъ отмѣчаетъ, что обсужденіе тѣхъ или иныхъ вопросовъ переносилось и за предѣлы посадскаго схода; нѣкоторые вопросы попадали на разсмотрѣніе совмѣстныхъ съѣздовъ представителей различныхъ посадовъ (стр. 551,

569, 654—655; ср. ст. автора: «Происхожденіе городскихъ депутатскихъ наказовъ въ комиссію 1767 г.», «Русское Богатство» 1898 г., ноябрь).

Вопросъ о выборахъ магистратскихъ членовъ на посадскихъ сходахъ авторъ выдѣлилъ въ особую главу какъ потому, что законодательныя опредѣленія о составѣ этихъ сходовъ отличали ихъ отъ сходовъ по другимъ предметамъ, такъ и потому, что на этихъ сходахъ всего отчетливѣе отражается борьба общественныхъ классовъ городского общества. Не останавливаясь подробно на всѣхъ интересныхъ вопросахъ, затронутыхъ авторомъ въ этой главѣ, отмѣчу лишь его главные выводы.

Изъ обширнаго архивнаго матеріала, относящагося къ практикѣ избирательныхъ сходовъ, авторъ сдѣлалъ любопытныя заключенія о различныхъ типахъ этихъ сходовъ. На однихъ сходахъ успѣла выработаться относительно стройная система выставленія кандидатовъ отъ каждой партіи, которые затѣмъ и подлежали окончательному голосованію на сходѣ, и мнѣніе большинства считалось всегражданскимъ согласіемъ. Въ такой упорядоченной системѣ выборовъ, по мнѣнію автора, болѣе всего заинтересованы были низшіе слои посадской общины, и ихъ побѣдой надлежитъ объяснять и самое возникновеніе этой системы (стр. 684—690). Вторымъ типомъ сходовъ были такіе, гдѣ никакихъ кандидатуръ для общаго голосованія не выставлялось, а каждая партія намѣчала своихъ кандидатовъ особо, но непремѣнно въ мѣстѣ собранія сходовъ, и собирала подписи въ пользу своего кандидата. Тотъ партійный кандидатъ, подъ избирательнымъ приговоромъ котораго подписывался посадскій староста, и считался рѣшеніемъ всего схода. Наконецъ, третьимъ типомъ избирательныхъ сходовъ являются такіе (а ихъ большинство), на которыхъ составлялись каждой партіей свои особые выборы, которые затѣмъ и представлялись на утвержденіе главнаго магистрата. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ собственно и не было рѣшенія посадскаго схода (стр. 690—712).

Авторъ сдѣлалъ любопытныя наблюденія надъ качественнымъ составомъ избирательныхъ сходовъ, отмѣтивъ, что, вопреки закону, въ составъ ихъ, помимо перво-среднестепенныхъ элементовъ населенія, проникали и третьестепенные люди. При этомъ, опять-таки вопреки закону, эти третьестепенные успѣвали иногда проникать и въ составъ избранныхъ людей, тогда какъ въ другихъ случаяхъ, при несомнѣнномъ преобладаніи третьестепенныхъ элементовъ въ составѣ схода, въ составъ избранныхъ попадали исключительно первостатейные люди. Подробнымъ разборомъ отдѣльныхъ случаевъ авторъ двояко рисуетъ роль на избирательныхъ сходахъ этихъ третьестепенныхъ людей. Они проникали туда или подъ вліяніемъ рѣшительной борьбы низшихъ слоевъ городского населенія съ крупными заправилами городской общественной жизни, или же они привлекались туда са-

мими этими заправилами въ ихъ взаимномъ соперничествѣ за власть и преобладаніе. Господство этихъ заправилъ въ большинствѣ посадовъ и объясняетъ, почему большинство избирательныхъ сходовъ является неорганизованною борьбою группъ, изъ которыхъ каждая стремилась свое партійно-групповое избраніе выдать за рѣшеніе всего посадскаго схода (стр. 751—795).

Все вышеизложенное о содержаніи и выводахъ изслѣдованія А. А. Кизеветтера даетъ право признать за этимъ трудомъ важное научное значеніе и отнести его къ числу цѣнныхъ историческихъ работъ по исторіи общественныхъ классовъ XVIII в. Обширный, кропотливымъ трудомъ собранный архивный матеріалъ впервые раскрываетъ многія стороны городского строя и городской жизни изученной авторомъ эпохи. Но помимо этой важной ученой заслуги, нельзя не признать въ изслѣдованіи автора еще и другого крупнаго достоинства: въ немъ авторъ обнаружилъ умѣнье мастерски конструировать изъ подавляющаго мелочнаго матеріала яркія картины общественнаго строя и быта. Ясный и мѣстами выразительный языкъ вполнѣ соотвѣтствуетъ богатству содержанія и стройности распредѣленія отдѣльныхъ частей изслѣдованія. Если не по всѣмъ вопросамъ въ распоряженіи автора оказался достаточный матеріалъ, то винить его и требовать еще дальнѣйшихъ архивныхъ изысканій было бы едва ли правильно и справедливо. Мелкія замѣчанія и упущенія не подрываютъ общихъ достоинствъ книги. Поэтому я нахожу ее вполнѣ достойной награжденія полною преміей графа Уварова.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1908. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Otzyv o sochinenii A.A. Kizeve
352.047 D5630
D901713944Y